

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ
И АРХЕОЛОГИИ
ЗАПАДНОГО
КАЗАХСТАНА

2

2008

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Викторин В.М. Казаки-нагайбаки и служилые ногайские татары в Оренбургском войске на границах казахских степей: XVIII- нач. XX вв., их потомки и родственные группы Поволжья (этномиграции, связанные по разным маршрутам).....	3
Кучеров В.С. История и пути развития земледелия	18
Кушкумбаев А.К. Военно-управленческий состав в улусе Джучи.....	27
Почекаев Р.Ю. Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов)	53
Рябуха А.Г., Рябуха А.С. История изучения песчаного массива Рын-пески	78
Сүндетұлы Қ. Редактор М.Жалмұқатов	87
Тасмагамбетов А.С. Распространение старообрядчества и старого русского сектантства в юго-восточном Казахстане в XIX - начале XX вв.	94
Ускенбай К.З. Держава Урус-хана. Военно-политические аспекты усиления Ак-Орды в 1360—1370-е годы	103
Ягнинский А.М. Чокан Валиханов первый ученый казахского народа	145

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ахмеденов К.М. Геоэкологический анализ эколого-хозяйственного баланса территорий Западно-Казахстанской области (в пределах Волго-Уральского междуречья)	158
Гуцалов С.Ю., Ушаков А.М. Погребения кургана I могильника Шиликсай II.....	171
Жусупкалиев Т.Т. К вопросу об изучении каменного века в Западном Казахстане.....	178
Касенов М.С. Шеркала ежелгі қала	181
Кожа М.Б. Н.И.Веселовский о древних городах Южного Казахстана	184
Костюков В.П. Курган с остатками столбовой конструкции из могильника Солнце-Талика в Южном Зауралье	194
Марыксин Д.В., Сингатулин Р.А. Идентификация керамической посуды из могильника Мокринский I (предварительные исследования)	211
Орынбасаров Е.Е. Глиняные очаги в ритуальной практике кочевников Западного Казахстана	215
Пачкалов А.В. Находки античных и раннесредневековых монет на золотоордынских памятниках	219

Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов)

Р. Ю. Почекаев

Личность Мамаю, выдающегося правителя Золотой Орды (Улуса Джучи) второй половины XIV в., вызывает весьма противоречивые оценки в историографии. Исследователи характеризуют его как могущественного правителя, опытного политика и дипломата, храброго полководца. При этом его роль в истории и Золотой Орды, и Евразии в целом оценивается преимущественно негативно. Причина тому – сведения нарративных источников, на которые, в основном, и опираются исследователи. Большинство дошедших до нас сообщений о Мамае содержится в русских летописях, а также восточных (арабских, персидских и тюркских) исторических сочинениях, авторы которых выражали позицию правителей, враждебно относившихся к Мамаю, либо же сообщали о его деятельности со слов его победителей. Исключение составляют, разве что ряд арабских исторических сочинений, авторы которых отзываются о Мамае сравнительно нейтрально, без оценочных суждений и сообщают лишь о его статусе в Золотой Орде и его действиях в период смуты.

В одной из своих работ мы уже предпринимали попытку объяснить причины негативного отношения к Мамаю в русском летописании и пришли к выводу, что его образ представляет собой совокупность стереотипов, намеренно созданный в соответствии с политическими задачами заказчиков летописей (Почекаев, 2004). В настоящей статье мы намерены развить эту тему и оценить обоснованность этих стереотипов, их соответствие исторической реальности.

Безусловно, такая задача была бы практически нерешаемой, если бы в нашем распоряжении были только упомянутые нарративные источники с негативной оценкой деятельности Мамаю и собственные логические умозаключения. Однако сегодня наука располагает рядом других источников, анализ которых и позволяет нам более широко, с различных позиций взглянуть на роль Мамаю в истории Золотой Орды, Руси и Евразии в целом. Речь идет об официальных документах (правовые акты, дипломатическая переписка и пр.), нумизматическом материале (монеты Золотой Орды), а также о ряде сообщений в исторических сочинениях, не содержащих оценочных суждений о Мамае. Все эти сведения и составляют основу для сравнения «летописного» и «исторического» (т. е., соответствующего исторической реальности) образов Мамаю.

Представляется целесообразным обозначить основные стереотипы, связанные с этим деятелем и последовательно проанализировать их.

1. Узурпатор, мятежник и враг Чингизидов. Несколько веков в российской историографии преобладало мнение, что в Куликовской битве

Почекаев Роман Юлианович - кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», старший преподаватель гуманитарного факультета; Санкт-Петербургский государственный университет, преподаватель юридического факультета. г. Санкт-Петербург, Россия

1380 г. объединенные русские войска нанесли тяжелое поражение силам Золотой Орды. В 1980-е гг. это мнение постарался опровергнуть Л. Н. Гумилев. Он избрал для этого весьма оригинальный способ – объявил Мамаю врагом Чингизидов, узурпатором и сепаратистом, стремившимся создать собственное государство, отделив от Золотой Орды значительную территорию; соответственно, русские на Куликовом поле сражались не с законными правителями Золотой Орды, а всего лишь с Мамаем – мятежником против ханской власти (Гумилев, 1992, С. 387; 1994а, С. 311; 1994б, С. 325, 348). Этот тезис был с готовностью поддержан рядом исследователей и публицистов, которые, собственно, и формируют «новое видение» русско-ордынских отношений в глаза общественности (Горский, 1998, С. 16; Данилевский, 2000, С. 277; Яковлева, 2002; Баймухаметов, 2005; Тихомиров, 2005; см. также: Петров, 2005). Однако насколько обоснованной является версия, отстаиваемая этими авторами?

Для ответа на этот вопрос необходимо сказать несколько слов о происхождении и семейных связях Мамаю, поскольку эта информация позволяет объяснить причины многих его политических действий.

Мамаю происходил из племени кийат, которое по средневековой монгольской генеалогической традиции выводилось от Бодончара, дальнего предка Чингис-хана. К какой именно ветви этого многочисленного племени принадлежал знаменитый темник, сегодня определить практически невозможно¹, однако известно, что часть кийатов осела в Улусе Джучи. Представители этого племени пользовались большим влиянием при золотоордынских ханах уже в первой четверти XIV в. Так, один из них, Иса (Исатай) породнился с ханом Узбеком, выдал за него замуж свою дочь и, в свою очередь, женился на ханской дочери, прибавив к своему имени почетную приставку «гурген», т. е. ханский зять. По некоторым сведениям, Иса-гурген был среди тех нойонов, которые помогли Узбеку придти к власти в Золотой Орде, и поэтому в течение многих лет пользовался ханскими милостями. Так, он дважды занимал высший в Золотой Орде пост бекляри-бека – фактически верховного главнокомандующего и первого министра (СМИЗО, 2005, С. 221; Григорьевы, 2002, С. 13-14). А когда Узбек в 1320-е гг. провел радикальную реформу управления в Золотой Орде и заменил улусных царевичей-Джучидов своими назначенными наместниками, Иса-гурген стал правителем восточного крыла Улуса Джучи – Синей Орды, где от власти были отстранены потомки Орду – старшего сына Джучи. Иса пользовался таким влиянием, что сумел передать свою власть по наследству – сыну Джир-Кутлугу, которому наследовал его собственный сын Тенгиз-Буга (Утемиш-хаджи, 1992, С. 105, 109; Трепавлов, 2007). Власть кийатов в Синей Орде продлилась до 1361 г., когда царевичи-

1 Л. Н. Гумилев полагает, что Мамаю являлся потомком Сача-беки из рода Кийат-Джуркин – троюродного брата Чингис-хана и его соперника в борьбе за ханский трон в 1180-1190-е гг. В происхождении-то историк и видит причины ненависти Мамаю к Чингизидам и стремление противостоять им и создать независимое государство (см.: Гумилев, 1992, С. 291). Однако никаких прямых указаний на происхождение Мамаю от Сача-беки не имеется. Род Кийат был достаточно разветвленным и не ограничивался потомками Хабула, первого хана монголов, прадеда Сача-беки и Чингис-хана. Согласно монгольской летописи XVII в. «Алтан Тобчи», Кийаты происходили от Бодончара – дальнего предка Чингис-хана, давшего начало многим монгольским родам (Лубсан Данзан, 1973, С. 293).

Чингизиды вновь сумели вернуть себе власть.

Судьба Мамай, которого исследователи считают внуком Исы-гургена и, соответственно, двоюродным братом Тенгиз-Буги (Трепавлов, 2007), оказалась более тесно связана с западным крылом Улуса Джучи. Причиной тому – его близость с Бердибеком, сыном и преемником хана Джанибека. Будучи, по-видимому, его ровесником и другом детства (Григорьевы, 2002, С. 212), Мамай впоследствии женился на его сестре – дочери Джанибека (в некоторых источниках – дочери самого Бердибека) и, в свою очередь, получил право именоваться гургеном. Об этих родственных связях и умолчал в свое время Л. Н. Гумилев, поскольку ее упоминание полностью разрушило бы версию историка о Мамае как «узурпаторе и враге Чингизидов». А между тем, именно это родство предопределило последующую политическую ориентацию этого деятеля.

В правление хана Бердибека (1357-1359г.г.) Мамай делает головокружительную карьеру. Бердибек, не доверявший соратникам своего отца Джанибека (которого он, по некоторым сведениям, сам и убил) и даже тем эмирам, с помощью которых он сам пришел к власти, отдалил от ханского двора многих влиятельных ранее царедворцев. Первые места в дворцовой иерархии заняли новые лица, и первым среди них оказался Мамай, который около 1358-1359 г. занял пост бекляри-бека: в качестве такового он упоминается в труде арабского историка Ибн Халдуна и во Львовской летописи (см.: СМИЗО, 2005, С. 276; Насонов, 2002, С. 315; Миргалеев, 2003, С. 33; Хан, 2004, С. 142).

Однако правление Бердибека оказалось весьма кратковременным: в 1359 г. он умер или был убит. Соответственно, лишился своего высокого поста и его ставленник Мамай, сумевший, впрочем, сохранить должность темника – командира десятитысячного отряда. В течение нескольких лет (1359-1361 г.г.) он оставался в Сарае, находясь при дворе в качестве близкого родственника ханского семейства, и не вмешивался в междоусобицы. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что он выжил и сохранил свои позиции в правление противоборствующих ханов – Кульпы, Наурузбека и Хызра, хотя последний расправился даже с Тайдулой – вдовой Узбека, матерью Джанибека и бабкой Бердибека. Только после убийства Хызра, когда на престол Золотой Орды одновременно стали претендовать родичи Хызра – брат Мюрид и сын Тимур-ходжа, Мамай, понял, что власть в Золотой Орде навсегда может уйти из рук потомков Бату, с которыми он был связан и начал активные действия. Он собрал эмиров и войска верные Батуидам, и ушел на юго-запад – вероятно, в Крым (Московский свод, 2000, С. 247; Утемиш-хаджи, 1992, С. 108). Обратим внимание, что он не покусился на жизнь хана и не попытался создать независимого владения, как поступили Пулад-Тимур в Волжской Булгарии или Хаджи-Черкес в Хаджи-Тархане. Он просто вывез представителей ханского семейства в Крым, где правили эмиры, верные дому Бату, и тем самым обеспечил его безопасность (Григорьев, 2004б, С. 145).

В том же 1361 г. Мамай поддержал в борьбе за трон Кильдибека, внука Узбека и, следовательно, представителя законной ветви ханского рода².

2 По мнению некоторых авторов, Мамай противостоял Кильдибеку и даже в конце концов разгромил его (см., напр.: Греков, Якубовский, 1998, С. 213; Григорьев, 1994, С. 32-34), однако новые исследования позволяют утверждать, что Мамай выступал именно на стороне этого претендента, а не против него (Варваровский, 2008, С. 80; Миргалеев, 2003, С. 32).

Кильдибек не был его прямой креатурой, поскольку бекляри-беком нового хана стал не Мамай, а Яглы-бай из племени бахрин – сын Тоглу-бая, который, по некоторым сведениям, умертвил хана Джанибека и возвел на трон Бердибека (Григорьев, 1994, С. 31). Только после разгрома и гибели Кильдибека Мамай, наконец, возводит на трон собственного ставленника – также «отрока из детей Узбека» по имени Абдаллах (СМИЗО, 2005, С. 276)³.

После нескольких неудачных попыток захватить Сарай, столицу Золотой Орды, Мамай и Абдаллах закрепляются в Северном Причерноморье и начинают укреплять власть над западными уделами Золотой Орды. При этом от имени хана чеканятся монеты, выдаются ярлыки и пайзцы (Френ, 1832, С. 20; Банзаров, 1850, С. 7; Шабульдо, 2005, С. 102). Мамай, ставший при Абдаллахе бекляри-беком, никоим образом не претендовал на формальное закрепление своего статуса фактического правителя. Между тем, иногда бекляри-беки становились даже формальными соправителями ханов. Так, сохранились монеты с именами ханов первой пол. XV в. Дервиша и Бек-Суфи, на которых наряду с ханскими именами указано имя их бекляри-бека Идику – Едигея русских летописей (Сафаргалиев, 1960, С. 192; Северова, 1994, С. 98-100). В Мавераннахре в 1370-1380-е гг. осуществлялся выпуск монет с именем одновременно и «султана правосудного Сююргатмышша», и «эмира Теймура Гуркана» (Савельев, 1858, С. 261). Характерно, что ни Идику, ни Тимура никто никогда не обвинял в узурпации власти! Не очень понятно, за что такой «чести» удостоился Мамай, имя которого никогда не появлялось на монетах рядом с именами «его» хана⁴.

В 1369/1370 г. имя Абдаллаха исчезает из исторических источников, и новым «мамаевым» ханом назван Мухаммад (вероятно, внук или правнук Узбека)⁵. Отметим, что даже негативно относящиеся к Мамаю русские летописцы не обвиняют Мамаю в убийстве Абдаллаха, очевидно, он умер

3 А. Г. Гаев выводит родословную Абдаллаха и следующего «мамаева» хана Мухаммада от Туга-Тимура, 13-го сына Джучи (Гаев, 2002, С. 23-24), однако указание Ибн Халдуна на то, что Абдаллах был «из детей Узбека» в большей мере вызывает доверие и больше соотносится с политикой Мамаю по поддержке потомков Бату. То же касается и Мухаммада: в своем ярлыке русскому митрополиту Михаилу он ссылается на ярлык Бердибека – последнего законного (именно в глазах Батуидов) хана, а не на череду представителей других ветвей рода Джучи, пребывавших на троне в 1360-е гг. и также, вероятно, жаловавших ярлыки русской православной церкви.

4 Описанная Х. М. Френом монета, чеканенная в 763 г. х. (1361/1362 г.), якобы от имени Мамаю, да еще и с ханским титулом (Френ, 1832, С. 20), вызывает весьма скептическое отношение других нумизматов.

5 До сих пор исследователи спорят о количестве ханов, возведенных на трон Мамаем. Одни историки считают, что его последним ставленником был Мухаммад, также носивший тюркское имя Булак (или Туляк), называя его также «Мухаммад-Булак» (Френ, 1832, С. 21; Савельев, 1858, С. 51-59; Марков, 2008, С. 46-48; Григорьев, 1983, С. 41-42; Грумм-Гржимайло, 1994, С. 119; Греков, Якубовский, 1998, С. 211; Федоров-Давыдов, 2003, С. 94-101; Пономарев, 2002, С. 64; Гончаров, 2008, С. 59). Другие полагают, что Мухаммад и Туляк – разные лица, и Туляк был третьим ставленником Мамаю (Насонов, 2002, С. 317; Мухаммадиев, 1983, С. 97; Кучкин, 1996, С. 121-123; Сидоренко, 2000, С. 278-279; Гаев, 2002, С. 25). Нам ближе первая позиция, поскольку она подтверждается нарративными и нумизматическими источниками: арабские средневековые историки сообщают только о ханах Абдаллахе и Мухаммаде, монеты Мухаммада(-Булака) также чеканятся до 782 г. х. (1380 г.).

естественной смертью⁶. С возведением же на трон его преемника есть некоторые неясности.

Согласно данным нумизматики, Мамай провозгласил Мухаммада ханом в своей ставке уже в 1369/1370 г. Однако в 773 г. х. (1371/1372 г.) в Сарае и Мохше чеканит монету некая Тулунбек-ханум (Янина, 1954, С. 446; Сидоренко, 2000, С. 286). Высказано предположение, что эта ханша – не кто иная, как дочь Джанибека и супруга самого Мамаю (см.: Варваровский, 2008, С. 89; Миргалеев, 2003, С. 37). Несомненно, ее происхождение от легитимной ветви Джучидов и поддержка самого могущественного эмира Золотой Орды могли позволить ей овладеть трон⁷. Причиной беспрецедентного возведения на сарайский трон женщины мог стать возраст нового ставленника Мамаю: согласно летописным сообщениям, в 1379 г. темник умертвил «своего» хана, которому было 18 лет (Татищев, 2003, ч. III, гл. 54), следовательно, во время возведения на трон Мухаммаду могло быть около 8-9 лет. Всесильный бекляри-бек, опасаясь, что ордынские эмиры не признают ханом ребенка, решил временно передать трон более взрослой Тулунбек, внучке, дочери и сестре ханов.

Власть же Мухаммада Мамай стал устанавливать постепенно: так, в 1370 г. по его приказу русские князья совершили поход на Булгар и заставили местного эмира Асана (Исана)⁸ признать власть Мухаммада в Верхнем Поволжье. И лишь некоторое время спустя бекляри-бек счел, что легитимность нового хана достаточна для предъявления претензий на Сарай. Как и при Абдаллахе, при Мухаммад-хане Мамай не претендовал на какое-то положение формального соправителя законного монарха: и монеты, и ярлыки выдавались исключительно от имени хана. Впрочем, в сохранившемся до нашего времени ярлыке Мухаммад-хана русской церкви имеется весьма интересное указание на особый статус Мамаю. Ярлык митрополиту Михаилу, выданный в 1379 г. начинается

6 Несмотря на это, некоторые исследователи допускают, что Абдаллах был свергнут или даже умерщвлен Мамаем (см., напр.: Грумм-Гржимайло, 1994, С. 119; Греков, Якубовский, 1998, С. 211).

7 Еще одним косвенным аргументом в пользу отождествления Тулунбек с неизвестной по имени «Ханум», супругой Мамаю и ханской дочерью, являются два сообщения русских источников. Первое связано с победой Токтамышя над Мамаем на Калке в 1381 г.: «Царь же Токтамышь... сам шед взя Орду Мамаеву м царици его и казны его и улус весь его поймав...» (Памятники, 1998, С. 11). Обратим внимание, что речь идет о «царице», а не о «царевне» или «княгине», хотя сам Мамай в источнике титулуется князем. Это дает основания полагать, что его супруга обладала ханским титулом. Второе сообщение относится уже к эпохе правления Токтамышя, к 1386 г.: «Того же лета царь Токтамышь убилъ самъ свою царицу, нарицаемую Товлуньбека» (Рогожский, 2000, С. 124). А. П. Григорьев отождествляет эту «Товлуньбеку» со старшей женой Токтамышя Тогай или Тогайбек, дочерью крымского эмира Бек-Хаджи и матерью его шести сыновей (Григорьев, 2004а, С. 109). Однако, на наш взгляд, «Товлуньбека» больше напоминает именно «Тулун-бек»: есть все основания полагать, что эта и была та самая «царица» Мамаю, которая была взята Токтамышем после победы над темником в 1381 г. в жены, чтобы повысить свою легитимность в наследовании трона Золотой Орды (см.: Сидоренко, 2000, С. 287). Очевидно, хан не доверял ей и казнил по подозрению в заговоре.

8 Некоторые авторы видят в этом болгарском (казанском) правителе Асане бывшего хана Хасана из рода Шибана, пятого сына Джучи, который правил в 1368-1369 гг. в Сарае, был свергнут и, якобы, обосновался в Булгаре или даже Казани (см., напр.: Насонов, 2002, С. 317). А.В. Пачкалов убедительно доказал, что Хасан Шибанид и Асан (Исан) Булгарский – два разных деятеля (Пачкалов, 2005, С. 154).

со следующей фразы: «Бесмертного бога силою и величием из де и прадед. Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию, татарьским улусным и ратным князем, и волостным самым дорогам, и князем, писцем, таможником побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело, ни поидеть многим людям и ко всем» (Зимин, 1955, С. 465). «Мамаевою мыслию» означает в данном случае «во главе с Мамаем» (Зимин, 1955, С. 473). Мамай, таким образом, фигурирует в качестве главы всех золотоордынских чиновников и военачальников, т. е. бекляри-бека. Слово «дядиною», неоднократно привлекавшее внимание исследователей, свидетельствует о том, что он, помимо должности бекляри-бека, обладал также и титулом «титям», который в монгольский имперской традиции даровался крупным чиновникам (Григорьев, 2004б, С. 183-184; Рыкин, 2007, С. 482-483)⁹. По всей видимости, этот титул должен был подчеркнуть заслуги Мамаю в поддержании ханской власти и управлении государством, однако и он не дает оснований обвинять последнего в узурпации.

Под 1379 г. русские летописцы сообщают, что Мамай умертвил своего 18-летнего хана и многих его приближенных. В. Н. Татищев на основании этого сообщения делает и более широкое обобщение, заявляя, что «Волжской орды нечестивый гордый князь Мамай всею Ордою владел, и многих ханов и князей побил, и поставил себе хана по своей воле» (Татищев, 2003, ч. III, гл. 54). Вполне вероятно, историк имел в виду, что Мамай, укрепляя власть «своего» хана, всячески расправлялся не с «собственными» ханами, а с другими претендентами на трон Сарая, которые не относились к потомкам Бату. Тем не менее, на основании этого сомнительного, в общем-то, сообщения летописцев, которым необходимо было обвинить Мамаю в узурпации в глазах русских (а что могло стать лучшим подтверждением тому, чем убийство собственного монарха?), некоторые исследователи выстраивают целые концепции: якобы, Мамай умертвил (или изгнал) хана Мухаммада и, оставшись без хана, утратил легитимность в глазах и собственных подданных, и русских вассалов (см.: Миргалеев, 2003, С. 37, 40; ср.: Гончаров, 2008, С. 59).

Развивая мысль, высказанную в этом сообщении летописцы, наконец, завершают формирование образа Мамаю как узурпатора власти, обвинив его в том, что он перед Куликовской битвой не только убил хана, но и провозгласил ханом себя самого (см., напр.: ПСРЛ, 2000, С. 46-47; Татищев, 2003, ч. III, гл. 54; ср.: Григорьев, 2004б, С. 179).

Упомянутому летописному сообщению, а, следовательно, и сделанным на его основе выводам противоречат данные нумизматики: монеты хана Мухаммада чеканились до 782 г. х. (1380 г.) включительно. Даже в русских источниках «царь Теляк» упомянут в качестве участника Куликовской битвы (Памятники, 1998, С. 37, 75). Таким образом (даже оставляя в стороне дискуссию о том, являются ли Мухаммад-хан и «царь Теляк» одним лицом или разными), вполне однозначно можно утверждать, что ко времени Куликовской битвы хан у Мамаю был. Другое дело, что после битвы он не упоминается, что дает основания предполагать его гибель

9 А.П. Григорьев в своих ранних работах высказал предположение, что «дядиною» – искаженный в русском переводе титул «тудун», который еще со времен Хазарского каганата носили тюркские правители Крыма, а о власти Мамаю над Крымским полуостровом сообщают многие источники (Григорьев, 1980, С. 172-173), однако позднее отказался от этой этимологии.

на Куликовом поле (Григорьев, 2004б, С. 178-179).

Как видим, версия о сражении на Куликовом поле русских не против Орды, а всего лишь против «узурпатора» Мамаю, является совершенно несостоятельной. В самих же русских источниках упоминается либо «царь Теляк», либо сам Мамай с «царским» же титулом (Памятники, 1998, С. 97, 112, 137, 226)¹⁰. Следовательно, русские князья во главе с Дмитрием Московским (Донским) вполне отдавали себе отчет, что выступают именно против Орды¹¹.

Полагаем, крушение власти Мамаю оказалось связано именно с гибелью его хана. После Куликовской битвы бекляри-бек не успел возвести на престол другого потомка Бату, и когда он выступил против Токтамышша, его войска, не имевшие хана, естественно, признали таковым Токтамышша – прямого потомка Джучи, имевшего, следовательно, права на трон. Мамай, популярный в войсках, вероятно, мог бы собрать верных ему воинов и оказать сопротивление Токтамышшу, но он предпочел бежать в Крым. Вряд ли он это сделал из трусости: по-видимому, он не хотел выглядеть в глазах воинов мятежником против Чингизида и поэтому отступил без боя, скорее всего, намереваясь выдвинуть в Крыму нового хана, которого мог бы противопоставить Токтамышшу и переманить на свою сторону его войска (точно так же, как его войска отошли от него, поскольку у него не было в тот момент «своего» хана), тем самым одержав бескровную победу над конкурентом. Однако Мамаю не повезло, и в Крыму он был убит. Об обстоятельствах его гибели мы поговорим ниже, а сейчас нас интересуют некоторые сведения, относящиеся к событиям уже после его смерти.

В 1990-е гг. на окраине Старого Крыма (ордынского города Солхат) был обнаружен могильный курган, который исследователи не без оснований считают могилой Мамаю. Археологи отмечают, что курган представляет собой захоронение золотоордынского сановника высокого ранга или же племенного вождя (Крамаровский, 1996; 2005). На наш взгляд, этот факт свидетельствует о том, что даже хан Токтамыш, победитель Мамаю, воспринимал его как видного противника в борьбе за трон (который заслуживал уважения и посмертных почестей), а не мятежника – иначе он бы велел похоронить его тайно, без всякой пышности, чтобы и следов о нем не осталось.

Еще одним подтверждением того, что законные власти Золотой Орды не считали Мамаю узурпатором служит судьба его потомков. В труде Шараф ад-Дина Йазди, тимуридского историка начала XV в., имеется сообщение, относящееся к походу Тимура против Токтамышша и битве

10 Весьма любопытно отметить, что не только в русской, но и в арабской более поздней исторической традиции Мамай представлен как монарх. Так, например, ал-Аскалани, автор сер. XV в., упоминает его как «хана, процарствовавшего (там) 20 лет, а другой автор, Ибн Тагриберди, прямо сообщает, что в этом (782) году умер Мамай, царь татарский и правитель Дешта, вступивший на престол послы Килдибекхана в 763 году (31 октября 1361 – 20 октября 1362 г.)» (СМИЗО, 2005, С. 325, 327).

11 Версия Л. Н. Гумилева о том, что Дмитрий Донской действовал, якобы, в союзе с Токтамышем (Гумилев, 1995, С. 173), опровергается сообщениями русских же летописей. Во-первых, Токтамыш впервые упоминается в летописях уже после Куликовской битвы, несмотря на то, что он к этому времени уже овладел Сараем (см.: Миргалеев, 2003, С. 41). Во-вторых, имеется сообщение, что послы Токтамышша на Русь после разгрома Мамаю даже не рискнули доехать до великого князя, испугавшись анти-ордынских настроений на Руси после Куликовской битвы (Московский свод, 2000, С. 281).

на р. Кондурча в 1391 г.: «В это время привели раненого сына Мамака. Государь расспросил его. Он сказал: “Из Сарая я шел к хану. Там, где мы условились, я его не нашел”» (Иязди, 2008, С. 145; ср.: СМИЗО, 2006, С. 226). Исследователи полагают, что этим «сыном Мамака» являлся не кто иной как Мансур – сын Мамака и родоначальник князей Глинских. Как видим, принадлежность к семейству Мамака не помешала его сыну поступить на службу к новому хану а, возможно, и погибнуть, сражаясь за победителя своего отца (Шенников, 1981). Несомненно, будь Мамака узурпатором, хан расправился бы не только с ним, но и его семейством – по крайней мере, с сыновьями, которые помогали отцу.

Еще одно небезынтересное сообщение относится уже к 1501 г., когда последний хан Золотой Орды Шейх-Ахмад направил письмо князьям Глинским, с помощью которых намеревался заручиться поддержкой их сюзерена, польского короля Александра Ягеллона, в борьбе с Крымским ханством. В послании, в частности, присутствует такая фраза: «Кияты князя Мамаева истинные дети, там рядом с братом моим, а здесь рядом со мной в моем царстве, справа и слева уланы, князя, четыре корачи большие, у меня нет слуг больших и лучших, чем Кияты князя» (цит. по: Шенников, 1981, С. 20). Как видим, даже спустя 120 лет после разгрома Мамака Токтамышем ханы Золотой Орды не рассматривали его как узурпатора, а напротив считали весь его род верными слугами ханов Улуса Джучи.

2. Сепаратист. Еще одно обвинение Мамака, также выдвинутое в свое время Л. Н. Гумилевым и с готовностью поддержанное исследователями и публицистами – сепаратистские устремления (см.: Тихомиров, 2005; Варваровский, 2008, С. 94). На первый взгляд, оно выглядит гораздо более обоснованным, нежели обвинение в узурпации: русские летописцы вполне определенно говорят о «Мамаевой Орде», противопоставляя ее Сарая, «Заволжской Орде», «Муротовой Орде» и др. Это дает исследователям основание говорить о существовании некоего самостоятельного государственного образования, «эмирате» Мамака (Кожин, 2000; Гончаров, 2005, С. 99; 2008, С. 61).

Между тем, есть все основания видеть в темнике не сепаратиста, а напротив – собирателя ордынских земель. Нельзя не признать, что в период его правления в Золотой Орде законные ханы из рода Бату полностью утратили контроль над восточной частью государства (Синей Ордой и Хорезмом) и периодически теряли Сарай. Однако не будем забывать, что в течение 1360-1370-х гг. под их единой властью находились практически все Поволжье, Северный Кавказ, Крым и Северное Причерноморье – ни один из противоборствующих ханов не обладал в это время столь обширными владениями.

Самой существенной потерей стало, конечно, окончательное отпадение Синей Орды. Однако и в более спокойные времена удержать ее на долгое время под контролем сарайских ханов было практически невозможно.

Уже изначально Синяя Орда формировалась как фактически самостоятельное государственное образование, имеющее собственного правителя и лишь номинально признававшее верховенство верховного хана Улуса Джучи. Такая ситуация сложилась, вероятно, в силу того, что первым правителем Кок-Орды стал Орду – старший брат верховного золотоордынского правителя Бату, номинально считавшийся главой Джучидов. В дальнейшем процесс раздельного существования двух частей

Улуса Джучи усугубился, поскольку в течение нескольких поколений потомки Орду наследовали трон Синей Орды и проводили фактически самостоятельную политику, не координируя ее с ханами Сарая – иногда из-за слабости верховных правителей, иногда потому что сами были весьма могущественны и энергичны (см., напр.: Allsen, 1987).

За всю историю Улус Джучи только дважды представлял собой единое государство – объединение Белой и Синей Орды под единой властью: в 1330-1350-е гг., когда Узбек отстранил от власти династию потомков Орду и назначил в Синюю Орду своих наместников во главе с Исой-гургеном, и 1380-е гг., когда Токтамыш в результате «личной унии» (т. е. став ханом сначала Синей, а затем и Белой Орды) объединил оба крыла Джучидской державы. Но уже в 1390-е гг. Токтамышу пришлось признать автономию улусов за Уралом, в которых практически всю полноту власти захватил мангытский эмир Идику (Трепавлов, 2001, С. 75-76). С этого времени начинается совершенно разная, самостоятельная история «Заволжской Орды» – бывшей Белой Орды, находившейся во власти ханов Сарая, и Восточного Дешт-и Кипчака – бывшей Синей Орды.

Однако тенденции к самостоятельности Синей Орды в полной мере были реализованы задолго до Токтамыша и Идику. В 1361 г. местные царевичи-Чингизиды совершили переворот и свергли наместников из рода кийат во главе с Тенгиз-Бугой, а сам он был убит. К власти пришел Кара-Ногай, сын Сазы из рода Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи, которому наследовали его братья и племянники. В течение нескольких лет они постоянно сменяли друг друга на троне¹², пока у власти не оказался представитель другой ветви Туга-Тимуридов, Мухаммад Урус-хан (Утемиш-хаджи, 1992, С. 113; Гаев, 2002, С. 14-15)¹³. Ему удалось окончательно справиться с раздробленностью в Синей Орде и подчинить всех региональных эмиров-правителей и владетельных Джучидов своей власти. Кто не подчинился, тот был убит – как, например, правитель Мангышлака Туй-ходжа-оглан, отец Токтамыша (СМИЗО, 2006, С. 258, 404). Укрепление власти позволило Урусу, в свою очередь, предъявить права на трон Сарая 1370-е гг.

То, что Мамаю при всей его властности и энергичности так и не удалось вернуть потомкам Бату контроль над восточной частью Улуса Джучи, вероятно, следует объяснять именно его родством с прежними наместниками из племени. Слишком негативное отношение к представителям этого семейства сложилось в Восточном Деште, слишком

12 А. Г. Гаев насчитывает за 7 лет до пяти правителей Синей Орды (Гаев, 2002, С. 14).

13 В историографии существуют две противоположные точки зрения относительно истории Синей Орды конца 1320-х – начала 1360-х гг. Согласно одной из них, власть потомков Орду в этом улусе не прерывалась, и именно они в лице хана Уруса сумели, в конце концов, восстановить единство Улуса Джучи (Ускенбай, 2003, С. 20-22; Григорьев, 2004б, С. 205; Султанов, 2006, С. 270). Уязвимость этой позиции заключается в том, что ее сторонники опираются в основном на сочинение Муин ад-Дина Натанзи, (ранее известное как «Аноним Искандера»), которое признается многими исследователями своеобразным «историческим романом», а не научным сочинением. Поэтому мы придерживаемся второй версии, которая подтверждается рядом нарративных источников, нумизматическими материалами и обоснованной аргументацией исследователей (см., напр.: Муизз, 2006, С. 44-45; Гаев, 2002, С. 14-15; Костюков, 2007, С. 196-201).

сурово они управляли вверенными им областями¹⁴. Поэтому есть все основания полагать, что во время переворота Туга-Тимуриды покончили не только с самим Тенгиз-Бугой и его родичами, но и большинством их влиятельных сторонников в Синей Орде. Не случайно в труде Утемиш-хаджи, выразителя интересов правителей Восточного Дешта Мамай, представитель этого рода, назван «черным человеком». И бекляри-бек не мог не понимать, что ему будет оказано самое ожесточенное сопротивление, если он попытается вернуть Синюю Орду под власть сарайских ханов, а следовательно – и своего семейства. Именно поэтому он предпочел утратить часть Улуса Джучи (которая и так почти никогда не находилась под контролем Сарая), чем потерять все. Вместо напрасной борьбы на Востоке он сосредоточился над укреплением власти Батуидов в западных улусах Золотой Орды, в чем и добился значительных успехов.

Об этом, свидетельствует, в частности, весьма надежный источник – нумизматический материал. Клады золотоордынских монет, относящиеся ко времени смуты («Великой замятни») свидетельствуют, что монеты «мамаевых» ханов Абдаллаха и Мухаммада выпускались в гораздо большем количестве и обращались на куда более обширных территориях, нежели монеты их соперников, спорадически занимавших сарайский трон (см.: Пономарев, 2002, С. 64; Федоров-Давыдов, 2003, С. 76-111; Пачкалов, 2004, С. 159-161).

Понимая, что Сарай при активном противоборстве различных претендентов на трон не сможет служить надежным оплотом, Мамай принимает решение создать временную столицу для ханов из дома Бату в городе Орда (по другой версии – Шехр ал-Джадид)¹⁵. Полагаем, именно этот город (ханская ставка) и получил в русских летописях название «Мамаевой Орды», а не некое измышленное историками «самостоятельное государство», которое, якобы, стремился создать бекляри-бек (см. также: Григорьев, 1990, С. 154).

Крым и Северный Кавказ традиционно находились в сфере влияния темника, и отсюда он мог постоянно черпать людские и материальные ресурсы для дальнейшей борьбы за консолидацию Золотой Орды. В 1360-е гг. его власть была признана эмирами Секиз-беем в Запьянье и Тагаем в Мохше¹⁶. Тем самым Сарай, был фактически обложен подчиняющимися

14 Так, например, хивинский историк XVI в. Утемиш-хаджи сообщает, что Чингизиды находились у Исатая и его потомков «на положении рабов» и по приказанию Тенгиз-Буги участвовали даже в строительстве мавзолея его отца Джир-Кутлуга (Утемиш-хаджи, 1992, С. 105, 109). В. П. Юдин сделал вывод, что Чингизидам пришлось лично гнуть спину на строительных работах (Юдин, 1992, С. 85). По нашему мнению, средневековый историк имел в виду, что их заставили нести повинности по строительству – предоставлять людей, выделять средства, обеспечивать питание и фураж для работников, т. е. лишили прежних льгот и привилегий.

15 Некоторые авторы склонны считать «Орду», указываемую на монетах «мамаевых» ханов, не городом, а кочевой ставкой темника, в которой пребывали и возводившиеся им на трон ханы (см.: Федоров-Давыдов, 1960, С. 109; Миргалеев, 2003, С. 36). Другие исследователи высказываются в пользу ее «стационарности» и расположения на территории современного Запорожья (Егоров, 1985, С. 13, 139; Григорьев, 1990, С. 153-156; Гончаров, 2008, С. 58-59).

16 Тагай и Секиз-бей воспринимаются исследователями (на основе летописных сообщений) как самостоятельные правители (см.: Биккинин, 2000). Однако известно, что в 1370-е гг. Мамай запрещал русским князьям, своим вассалам, тревожить их уделы (Орлов, 2001), что свидетельствует о вассалитете последнего от «мамаевых» ханов.

Мамаю удельными правителями, что, безусловно, облегчало бекляри-беку неоднократные захваты столицы.

Иногда получалось так, что даже враждебные Мамаю ханы действовали в его интересах. Так, в 1367 г. сарайский хан Азиз-Шейх казнил болгарского правителя Пулад-Тимура – весьма энергичного государственного деятеля и полководца, который в течение семи лет являлся фактически независимым правителем Волжской Булгарии и чеканил здесь собственную монету. На смену Пулад-Тимуру пришел куда менее деятельный Асан (Исан), который в результате похода войск нижегородских князей, совершенного по приказу Мамаю, был вынужден признать власть хана Мухаммада (Московский свод, 2000, С. 253)¹⁷. Признавали власть ставленников Мамаю и местные племенные правители – так, например, в русских летописях упоминается о мордовских князьях, оказавших войскам Мамаю поддержку в битве с нижегородскими дружинами на р. Пьяна в 1377 г. (Московский свод, 2000, С. 263-264; Орлов, 2001). Таким образом, в течение первой половины 1370-х гг. Мамаю контролировал практически все области Золотой Орды к западу от Урала.

Преданность Мамаю потомкам Бату – наиболее легитимной ветви рода золотоордынских ханов, привлекала к нему многих эмиров и племенных предводителей, благодаря чему ему неоднократно удавалось захватывать столицу. Так, Абдаллах-хан занимал трон в Сарае в 764 г. х. (1362/1363 г.) и 768 г. х. (1366/1367 г.), Мухаммад – в 773 г. х. (1371/1372 г.) и 777 г. х. (1374/1375 г.) (Григорьев, 1983, С. 34-37).

Впрочем, из-за обширности владений, находящихся под его властью, Мамаю не удавалось в равной степени контролировать все области: он не мог находиться в нескольких местах разом, а без его непосредственного участия его приверженцы часто проигрывали борьбу с другими претендентами на власть в Улусе Джучи. Так, пока он улаживал свои отношения с Литвой в юго-западной части Орды, трон в Сарае захватывали представители других ветвей рода Джучи. В результате постоянного обострения отношений с западными соседями – русскими князьями-вассалами и Литвой Мамаю после 1374/1375 г. перестал предпринимать попытки возвести своих ставленников на трон в Сарае, и в результате столица и ее округа перешли под контроль Шибанидов и Туга-Тимуридов, враждебных роду Бату. Таким образом, между областями на юго-западе Улуса Джучи, непосредственно находившимися под контролем Мамаю, и уделами в Верхнем Поволжье, признававшими власть «его» хана, был вбит клин, в результате чего бекляри-бек не мог оказывать поддержки своим поволжским союзникам и, в свою очередь, рассчитывать на их помощь.

Наиболее крупные потери в территориальном отношении Мамаю понес

Тагай ранее признавал власть Кильдибека (Насонов, 2002, С. 314), поэтому нет ничего удивительного в том, что он подчинился и последующим ханам из дома Бату – его приемникам.

17 Из сообщений летописцев отнюдь не вытекает вывод, сделанный рядом историков о том, что Асану был навязан соправитель в лице «Мамат Салтана» или «Салтана, Бакова сына», в котором одни видят самого хана Мухаммада (Насонов, 2002, С. 321; Кучкин, 1996, С. 121), в другом – его малолетнего сына (Насонов, 2002, С. 317; Горский, 2000, С. 92; Варваровский, 2008, С. 101). На наш взгляд, речь идет исключительно о том, что Асан признал власть хана Мухаммада и стал его наместником в Волжской Булгарии. «Баков сын», полагаем, означает, что он происходил от одного из многочисленных сыновей или внуков Узбека, чье имя также оканчивалось на «...бек».

в 1376-1378 гг., когда на троне в Сарае находились Каганбек и Араб-шах из рода Шибана, пятого сына Джучи. Сначала, в 1376 г. московские и нижегородские войска по приказу Каганбека совершили очередной поход в Волжскую Булгарию и заставили наместника Асана признать на этот раз зависимость от сарайского хана, а не от «мамаева» Мухаммада. Так, Волжская Булгария вышла из-под контроля Мамаю (Григорьев, 2004б, С. 169-170). В 1377-1378 гг. следующий хан Араб-шах совершил походы против Тагая и мордовских союзников Мамаю, подчинив Сараю и их владения (Биккинин, 2004, С. 294). Так, Мамай утратил все владения в Верхнем Поволжье, которые он контролировал ранее. Правда, около 1375 г. под его контроль перешел Хаджи-Тархан, в котором после гибели (или смерти) местного независимого правителя Хаджи-Черкеса к власти пришел князь Салчи, являвшийся внуком хана Джанибека по женской линии и, следовательно, лояльный к ханам дома Бату (см.: Сафаргалиев, 1960, С. 133; Исхаков; Зайцев, 2004, С. 18-19).

В результате к концу 1370-х гг. под непосредственным контролем Мамаю оставались лишь Северный Кавказ, Крым и Северное Причерноморье. Его интерес к этим регионам объясняется, вероятно, тем, что сам он имел здесь личные владения и состоял в дружеских (а возможно, и в родственных) отношениях с местными золотоордынскими правителями. Здесь он в случае неудач всегда находил прибежище, чтобы с новыми силами вступить в борьбу за объединение Золотой Орды. Здесь ему удалось набрать воинов для битвы на Куликовом поле, и сюда же он бежал после поражения.

Таким образом, никаких признаков сепаратизма в деятельности Мамаю мы не наблюдаем. Напротив, вся его деятельность была направлена именно на восстановление территориальной целостности Улуса Джучи. И остается только удивляться его политической прозорливости, благодаря которой он всегда успевал понять, каким регионом можно поступиться (часто – временно), чтобы не потерять все.

Стоит отметить, что до появления концепции Л. Н. Гумилева и его последователей о «сепаратизме» Мамаю российские (советские) историки придерживались мнения, что деятельность бекляри-бека носила именно централизаторский характер, и неудачи его объяснялись лишь тем, что он не смог противостоять объективным центробежным тенденциям в Золотой Орде (см., напр.: Греков, 1980, С. 130).

3. Покровитель католиков, союзник Литвы и Генуи. В российской историографии в упрек Мамаю нередко ставятся его тесные связи с католическим Западом – римской курией, Генуей и Литвой. Некоторые авторы даже высказывают мысль, что поход Мамаю на Русь состоялся по прямой указке генуэзских банкиров (Арсюхин, 2003; Серова, 2005; Ткаченко, 2007)!

Упомянутые авторы как-то не принимают во внимание общие внешнеполитические традиции Золотой Орды в течение всего времени существования этого государства. А между тем, и итальянские торговые республики, и другие страны Западной Европы (и в первую очередь – папа римский, как самый влиятельный монарх Запада), и Литва всегда входили в орбиту их интересов. Мамай как легитимный бекляри-бек законных золотоордынских ханов просто не мог их игнорировать – напротив, он всячески старался развивать дипломатические связи с прежними внешними партнерами Улуса Джучи, со многими из которых связь была

утеряна за годы смуты.

Так, именно Мамаю принадлежит инициатива восстановления дипломатических отношений с султанатом мамлюков в Египте: в 773 г. х. (1371 г.) впервые после Джанибека он направил посольство к султану ал-Ашрафу Насир ад-Дину Шабану (СМИЗО, 2005, С. 258-259; Крамаровский, 2005, С. 78; Варваровский, 2008, С. 103). Возможно, именно благодаря этому его имя оказалось запечатлено в трудах средневековых египетских историков – в отличие от имен многочисленных государственных деятелей и даже ханов Золотой Орды эпохи «Великой замятни», совершенно не известных египтянам.

Аналогичным образом Мамай поддерживал и развивал контакты с торговыми партнерами Золотой Орды – итальянскими республиками Венецией и Генуей и, конечно же, с быстро набиравшим могущество Литовским княжеством, которое к этому времени завоевало едва ли не всю Западную и Юго-Западную Русь. О каких-либо прямых контактах Мамаю с римской курией источники сведений не содержат¹⁸. А анализ взаимоотношений Мамаю с итальянскими республиками и литовскими князьями также не позволяет однозначно утверждать, что он находился в тесном союзе с ними.

Почему-то летописные сообщения о переговорах Мамаю и литовского князя Ягайло накануне Куликовской битвы трактуется историками как наличие между Мамаем и князьями Литвы долговременного союза (см. напр., Егоров, 1980, С. 211). А между тем, уже вскоре после прихода Мамаю к власти в Золотой Орде ордынско-литовские отношения приобрели откровенно враждебный характер.

Постепенное «выдавливание» ордынского присутствия из южнорусских земель началось еще в правление хана Узбека, в 1320-е гг., когда литовские князья, пользуясь тем, что хан был поглощен своими проблемами на востоке Улуса Джучи и войной с Ираном, захватили Волынь и Киев, а в 1330-е гг. заставили смоленских князей признать зависимость от Литвы. Однако до прямых военных столкновений между Ордой и Литвой тогда дело доходило нечасто, а по некоторым сведениям новые литовские владельцы в Юго-Западной Руси даже платили ордынский «выход», чтобы обезопасить свои новоприобретенные владения от набегов ханских войск (Вернадский, 2000, С. 210; Шабульдо, 1987, С. 37-73).

Зато когда в Золотой Орде началась смута («Великая замятня»), литовский великий князь Ольгерд счел это подходящим моментом, чтобы нанести своему ослабленному противнику мощный удар. В 1362 г. в битве на р. Синие Воды (совр. р. Синюха, приток Юж. Буга) были разгромлены крымские сторонники Мамаю – Кутлуг-Буга, наместник Солхата, Хаджибек, наместник Кырк-Ера и Дмитрий, греческий правитель вассального Золотой Орде княжества Феодоро (Карамзин, 1993, С. 228; Григорьев, 2004а, С. 110-111). В результате победы на Синих Водах Литва захватила все ордынские земли Причерноморья к западу от порогов Днепра и к

18 Л. Н. Гумилев по одной ему известной причине считает, что Мамай поддерживал контакты с римской курией через генуэзских торговцев, поскольку папа римский, якобы, пользовался услугами генуэзских банкиров и, соответственно, через посредство генуэзских купцов реализовывал свои интересы в Золотой Орде. На основании этого недоказанного суждения он трактует и всю последующую политику Мамаю как серию уступок требованиям генуэзцев (Гумилев, 1992, С. 387-391, 422-427; 1995, С. 170-173).

северу от низовьев Днестра и Южного Буга.

По мнению некоторых авторов, даже это страшное поражение Золотой Орды явилось плодом союза Мамаю и Ольгерда Литовского: якобы, потерпевшие поражение ордынские «князья» являлись независимыми правителями, не желавшими подчиняться Мамаю, и вторжение Ольгерда в их владения, по сути, было санкционировано Мамаем. Высказывается даже предположение, что Мамай выдал литовскому князю ярлык от имени хана Абдаллаха на захваченные земли (Гумилев, 1992, С. 421; Шабульдо, 1987, С. 68-71; 2005, С. 102 и след.).

Это предположение опровергается рядом фактов. Во-первых, и Хаджибек, и Кутлуг-Буга в течение всего правления Мамаю оставались у власти в своих крымских тюменах, и именно они снабжали бекляри-бека войсками и припасами каждый раз, когда он терпел очередную неудачу в борьбе за Поволжье¹⁹. Во-вторых, пресловутый ярлык на причерноморские земли впервые был выдан только ханом Токтамышем литовскому великому князю и польскому королю Ягайло только в 1392 или 1393 г., и ни на какие более ранние пожалования ссылок в нем не было (Почекаев, 2006, С. 216-217). В-третьих, нет никаких оснований говорить о союзе Мамаю и Ольгерда и согласованности их действий, поскольку сообщения об их вражде встречаются в источниках на протяжении 1360-1370-х гг.: то Мамаю приходилось сворачивать боевые действия на востоке своих владений и бросать войска на запад для противостояния литовцам, то Ольгерд отказывался от нападений на ордынские владения из-за того, что Мамай находился настороже (Егоров, 1985, С. 81; Почекаев, 2006, С. 216). Уже под 1374 г. летописи упоминают, что «ходили Литва на татарове на Темеря, и бышеть межи ихъ бои» (Рогожский, 2000, С. 94).

Даже в 1370-х гг., когда основные разногласия по поводу южнорусских земель между Золотой Ордой и Литвой были улажены, в течение долгого времени не шло и речи о военном союзе между вчерашними врагами. Мамаю в отношениях с Литвой интересовали, в первую очередь, безопасность западных границ и торговые отношения. Бекляри-бек был весьма неплохо осведомлен об экономической ситуации в Литовском государстве и старался использовать ее в своих интересах. Так, в течение долгого времени волынский город Львов обладал едва ли не полной монополией на торговлю стран Центральной Европы с Золотой Ордой. Чтобы изменить эту ситуацию, в 1372 г. Мамай от имени хана Мухаммада даровал торговые привилегии купцам Кракова – основного конкурента Львова. А в 1379/1380 г. привилегии получил и Львов – уже для того, чтобы составить конкуренцию Кракову (Хеллер, 2001, С. 119).

Активизация торговых отношений Золотой Орды с польскими и литовскими городами в 1370-е гг. была отнюдь не случайной. Дело в том, что как раз в это время обостряются отношения между Мамаем и итальянскими торговыми республиками. Так, например, в Азове, в котором в эпоху Золотой Орды размещалась венецианская колония, обнаружена надгробная плита Якопо Корнаро, венецианского консула и посла в Золотой Орде, который погиб 18 августа 1362 г. Есть основания полагать, что он, как глава венецианской общины Азова, решил поддержать одного

¹⁹ Тесные взаимоотношения Мамаю, в частности, с Кутлуг-Бугой позволили А. П. Григорьеву даже выдвинуть гипотезу, что последний был отцом Мамаю (Григорьевы, 2002, С. 209-213). Хаджи-бек и в дальнейшем участвовал в воинских предприятиях Мамаю, в частности, сражался на р. Воже в 1378 г. (Варваровский, 2008, С. 98).

из соперников Мамай и «его» хана Абдаллаха, за что и поплатился жизнью (Григорьев, 1994, С. 33). Впрочем, некоторое время спустя Мамай сумел поладить с венецианцами Таны, снизив коммеркий (налог с продажи) с 5%, установленных Джанибеком в 1347 г., до 4%. В 1369 г. к Мамаю было направлено новое венецианское посольство, задачей которого было добиться снижения и этой ставки уже до 3% – таким налогом облагались генуэзские товары (Скржинская, 1973, С. 116)²⁰.

Однако, несмотря на то, что генуэзцы находились в более выигрышном положении по сравнению с венецианцами, нет оснований говорить об их нежной дружбе с Мамаем. Напротив, к 1375 г. отношения между ними настолько накалились, что едва не дошло до открытой войны. Как раз в это время Мамай в очередной раз был вытеснен из Сарая ханом Урусом и, как уже отмечалось выше, отказался от дальнейших попыток овладеть столицей, поэтому он сосредоточил внимание на обеспечении безопасности своих основных владений – и в первую очередь, Крыма.

Именно в это время он осознал опасность, которой ему грозило наличие почти в сердце его владений двух хорошо укрепленных генуэзских крепостей Кафа и Солдайя (совр. Феодосия и Судак). Чтобы обезопасить свой удел от возможных посягательств со стороны генуэзцев (в случае очередного ухудшения его положения, поскольку от борьбы за власть над Золотой Ордой он отказываться не собирался), Мамай, недолго думая, приказал отнять у генуэзцев в свою пользу 18 селений Судакской долины, которые были захвачены самими генуэзцами у княжества Феодоро вместе с самим Судакком в 1365 г. Таким образом, ему удалось создать некоторую «прослойку» между генуэзскими владениями и своей ставкой в Солхате (совр. Старый Крым). Кроме того, он распорядился обнести крепостными стенами город Солхат, что само по себе являлось актом беспрецедентным, ибо золотоордынские города традиционно стен не имели (Кеппен, 1837, С. 83-85; Григорьев, 2003, С. 27-28). Как видим, действия Мамаю отнюдь не подтверждают союз с генуэзцами и даже доверие к ним!

Скорее, в союзе с генуэзцами следует подозревать не Мамаю, а его победителя – Токтамышу, который в 1381 г. выдал генуэзской коммуне Кафы ярлык, в соответствии с которым возвращал ей 18 селений, конфискованные Мамаем (Desimoni, 1887, р. 162-165; Кеппен, 1837, С. 81-82; Григорьев, 2003, С. 28). А между тем, его опустошительный поход на Москву в 1382 г. никто не пытается представить как результат интриг генуэзцев!

Поэтому не удивительно, что Мамай старался развивать северные сухопутные торговые пути через Литву, чтобы не зависеть целиком от причерноморской торговли, контролируемой Венецией и Генуей. Все это как-то не очень отвечает сформировавшемуся стереотипу о беклярибеке как проводнике генуэзских интересов в Золотой Орде и, тем более, в отношениях с Русью. Скорее, свидетельствует о его политическом чутье и стремлении вернуть Золотой Орде прежнее ведущее положение на международной арене, создавая определенный баланс между различными иностранными силами, имеющими влияние в государстве Джучидов.

В полной мере это можно отнести и к его взаимоотношениям с

20 Е. Ч. Скржинская полагает, что налог с продажи, взимаемый с венецианцев в размере 5%, был снижен Хызром, к которому и отправлялся Корнаро (Скржинская, 1973, С. 115-116). Однако в источниках нет никаких прямых указаний, на то, что венецианец вел переговоры именно с этим ханом.

Русью.

4. Враг Руси. В русской летописной и даже фольклорной традиции Мамай предстает самым, пожалуй, главным врагом Руси, олицетворением всего враждебного по отношению к ней, деля эту «честь» с другим правителем Золотой Орды – Батыем, с которым его нередко сравнивают (см., напр.: Памятники, 1998, С. 30, 65, 137). Однако более внимательное ознакомление с историей взаимоотношений Мамаю и русских князей убеждает нас, что никакой «патологической» вражды к русским у бекляри-бека не было, и его позиция по отношению к ним периодически менялась в соответствии с интересами Золотой Орды, на страже которых он стоял в течение всего своего правления. Чтобы не быть голословными, представим хронологию отношений Мамаю и русских правителей в течение 1359-1379 гг.

1359 г. Мамай в качестве бекляри-бека при хане Бердибеке отправляет посла в Москву к великому князю Ивану Красному (Насонов, 2002, С. 315).

1363 г. В Москву прибывает посол от хана «Авдули из Мамаевы орды» с ярлыком на великое княжение Дмитрию Ивановичу (в будущем – Донскому), уже получившему годом раньше ярлык от сарайского хана Мюрида. Последний, разгневавшись на принятие Москвой ярлыка от Мамаю, передает великое княжение Дмитрию Константиновичу Суздальскому (Московский свод, 2000, С. 248). То, что ярлык в Москву привез посол, было беспрецедентным случаем: прежде князья лично ездили к хану за ярлыками.

1365 г. Дмитрий Суздальский, поддерживаемый Мамаем и Москвой, отнимает Нижний Новгород у своего брата Бориса, который был посажен здесь сарайским ханом Азиз-Шейхом (Московский свод, 2000, С. 251; Насонов, 2002, С. 316).

1370 г. Суздальский и нижегородский князь Дмитрий Константинович отправляет войска на Булгар и заставляет местного правителя Асана признать зависимость от «мамаева» хана Мухаммада. Михаил Тверской получает от Мухаммада и Мамаю ярлык на великое княжение, который, однако, не признается Дмитрием Московским. Михаил вынужден бежать в Литву (Московский свод, 2000, С. 253; Варваровский, 2008, С. 101).

1371 г. Тверской князь Михаил получает от Мухаммада и Мамаю ярлык на великое княжение. Дмитрий Московский снова не признает его и сам отправляется к Мамаю, получив, в свою очередь, ярлык (Московский свод, 2000, С. 254-255).

1372 г. Дмитрий Московский выкупает у Мамаю тверского княжича Ивана, оставленного Михаилом Тверским в его ставке в залог будущих выплат (Московский свод, 2000, С. 255; Горский, 2000, С. 85).

1373 г. В качестве карательной меры за нападения рязанцев на владения Тагая и Сегиз-бея Мамай отправляет войска в поход против Рязани, которые захватывают и сжигают ряд городов. Примечательно, что войска московского князя, союзного Рязани, вышли к Оке, но не сделали попытки помочь союзникам (Татищев, 2003, ч. III, гл. 54)²¹.

21 По мнению некоторых исследователей, самого факта выхода московских войск к Оке, якобы, стало достаточно, чтобы войска Мамаю отступили (см., напр.: Петров, 2006). Однако другие авторы обращают внимание именно на неказание москвичами помощи союзному рязанскому князю (см., напр.: Мизуны, 2005, С. 131). Вероятно, бездействие Москвы было связано с нежеланием портить отношения с Мамаем.

1374 г. Избиение в Нижнем Новгороде свиты мамаева посла Сарай-Аки и пленение его самого. «Розмирье» Дмитрия Московского с Мамаем (Московский свод, 2000, С. 258)²².

1375 г. Убийство в Нижнем Новгороде мамаева посла Сарай-Аки. Мамай отправляет войска на нижегородские владения в Кише и Запьянье и разоряет их, а также город Новосиль²³. Хаджи-ходжа, посол Мамаю, привозит Михаилу Тверскому ярлык на великое княжение. Дмитрий Московский собирает войска союзных князей и осаждает Тверь, заставляя Михаила отказаться от титула великого князя (Московский свод, 2000, С. 259-260). Примечательно, что Мамай не вмешивается в борьбу русских князей, несмотря на игнорирование Москвой ханского ярлыка: его вполне устраивает их междоусобица, поскольку в это время он поглощен борьбой с Урус-ханом и Хаджи-Черкесом (см.: Григорьев, 2004б, С. 167).

1376 г. Дмитрий Московский и Дмитрий Суздальский по приказу сарайского хана Каганбека отправляют войска на Булгар и заставляют правителя Асана признать власть Сарая, а не Мамаю и Мухаммада (Московский свод, 2000, С. 262; Горский, 2000, С. 92)²⁴.

1377 г. Мамай совершает карательный рейд на Нижегородское княжество за агрессию против Булгара. Нижегородцы и их союзники москвичи ожидают нападения сарайского полководца Араб-шаха, но, узнав, что тот далеко, московские дружины возвращаются в Москву. Войска Мамаю при помощи мордовских князьков внезапно обрушиваются на нижегородцев и наносят им сокрушительное поражение, после чего сжигают беззащитный Нижний Новгород (Московский свод, 2000, С. 263-264)²⁵.

22 А. П. Григорьев вполне обоснованно связывает обострение отношений Москвы и Нижнего Новгорода с Мамаем в 1374 г. с тем, что в это время Мамай и его хан Мухаммад были вытеснены из Сарая ханом Синей Орды Урусом, который потребовал от русских князей выражения покорности себе (Григорьев, 2004б, С. 164; ср.: Быков, Кузьмина, 2001). Однако стоит отметить, что имя Уруса вообще не фигурирует в русских летописях.

23 А. А. Горский почему-то склонен видеть в действиях Мамаю не вполне логичный карательный поход во владения нижегородского князя за расправу с его послом, а «удар по союзникам Москвы» (Горский, 2000, С. 92).

24 По мнению А. А. Горского, этот поход был совершен по собственной инициативе князей Москвы и Нижнего Новгорода, и Волжская Булгария в его результате попала в зависимость от них (Горский, 2000, С. 92-93). Однако это предположение не встречает никаких подтверждений в источниках, поэтому нам ближе версия А. П. Григорьева о действиях русских князей в интересах сарайского хана. Несомненно, не русские, а именно ханские «дарага и таможник» были посажены князьями в Булгаре (Григорьев, 2004б, С. 169-170).

25 Несмотря на то, что летописцы прямо указывают, что «царевич Арапша на Волчьей воде... А в то время погании князи Мордовьстии подведоша рать Татарскую из Мамаевы Орды», только очень немногие историки правильно интерпретируют это сообщение (см.: Насонов, 2002, С. 321; Кучкин, 1980, С. 105; Горский, 2000, С. 93; Григорьев, 2004б, С. 170-171). Ряд авторов полагает, что победу на Пьяне одержал Араб-шах (Соловьев, 1988, С. 273; Греков, Якубовский, 1998, С. 216-217; Вернадский, 2000, С. 263; Каргалов, 1984, С. 35). Другие же пытаются «логически» совместить сведения о Мамаевой Орде и Араб-шахе и предлагают совершенно абсурдную версию о том, что Араб-шах состоял на службе у Мамаю и по его приказу разгромил русских (Фахретдин, 1996, С. 102; Грумм-Гржимайло, 1994, С. 120; Гумилев, 1995, С. 172; Мизуны, 2005, С. 142)!

1378 г. Мамай направляет на Русь войска под командованием полководца Бегича, которые разгромлены на р. Воже войсками Дмитрия Московского (все еще находящегося в «розмирье» с Мамаем). Войска Мамаю подвергают разграблению земли Рязанского княжества (Московский свод, 2000, С. 272-273). Интересно отметить, что р. Вожа протекала на территории Рязанского княжества (см.: Макаров, 1846, С. 7). Вполне вероятно, что Мамай и в этот раз планировал совершить нападение не на Москву, а на Рязань, а Дмитрий Московский, наконец-то, просто выполнил союзнический долг по отношению к рязанскому князю. Не удивительно, что в отместку за разгром Бегича Мамай подверг разорению именно рязанские земли.

1379 г. «Мамаев» хан Мухаммад (или Тюляк) выдает ярлык русскому митрополиту Михаилу (Митяю), подтверждающий прежние привилегии русской церкви (ПСРЛ, 2000, С. 44; Григорьев, 2004б, С. 116-205). Обратим внимание, что Митяй-Михаил был ставленником Дмитрия Московского...

Анализ перечисленных событий позволяет сделать два принципиальных вывода. Во-первых, Мамай в течение всего своего правления строил взаимоотношения с русскими княжествами в зависимости и от интересов Орды, и от позиции самих русских князей. Во-вторых, даже его враждебные действия против какого-либо княжества нельзя однозначно оценивать как «анти-русские», поскольку единой Руси в то время не было: княжества постоянно враждовали между собой, и противостояние Мамаю с одним из них было в полной мере выгодно другому. Кроме того, большая часть действий Мамаю в отношении Руси, как оказалось, совершалась на пользу московскому князю Дмитрию Ивановичу (которого он, естественно, не собирался усиливать постоянно, почему и выдавал периодически ярлык на великое княжение Михаилу Тверскому). Тому самому, который и разгромил Мамаю в Куликовской битве.

Сама же Куликовская битва – один из самых загадочных эпизодов в истории русско-ордынских отношениях и в биографии Мамаю, в частности. Сведения о ней исследователи черпают исключительно из т. н. «памятников куликовского цикла», состоящих из ряда летописных рассказов, нескольких редакций «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище». Большинство этих произведений сами исследователи признают средневековой русской публицистикой, но, не имея других источников, вынуждены опираться на них, нередко не учитывая при этом их тенденциозности.

В результате традиционная интерпретация событий, приведших к развязке на Куликовом поле, выглядит следующим образом: Мамай совершил поход на Русь, чтобы полностью подчинить ее Орде, объединенные силы русских княжеств выступили ему навстречу и в кровопролитной битве разгромили превосходящие силы ордынского бекляри-бека, заставив его бежать в Крым. При этом многочисленные нестыковки, имеющие место в «памятниках куликовского цикла» либо просто игнорируются, либо как-то «притягиваются» к традиционной версии.

А между тем, как объяснить, например, что «защищающиеся» русские войска и «нападающие» войска Мамаю сражались не на русской, а на ордынской территории? Почему в русской армии было немало «татар», тогда как при перечислении сил Мамаю в источниках называются

«бесермены и армены, и фрязы, черказы и язы, буртасы» (Памятники, 1998, С. 30), а о собственно «татарах» речи практически не идет²⁶? Почему так «нерешительно» вели себя литовский и рязанский князья, которые, якобы, не пожелали присоединиться к «превосходящим» силам Мамаю, а затем вдруг по собственной инициативе в одиночку напали на возвращавшихся с поля боя победителей-русских? И, наконец, самое главное: каким образом Мамаю, который потерпел сокрушительное поражение на Куликовом поле, удалось в считанные недели собрать новое многочисленное войско, с которым он готовился двинуться на Русь, но был вынужден выступить навстречу Токтамышу?

На все эти вопросы весьма трудно ответить в рамках традиционной интерпретации Куликовской битвы. Однако если мы предположим обратное – что не Мамай напал на Русь, а русские совершили нападение на ставку Мамаю! – все нестыковки в «памятниках куликовского цикла» волшебным образом исчезают.

Мы далеки от намерения представить Мамаю убежденным пацифистом и другом Руси: не исключено (и даже вполне вероятно), что он готовил поход на Русь, намереваясь сквитаться за поражение на Воже и восстановить прежнюю систему отношений «сюзерен – вассал». Однако русские предупредили Мамаю и первыми выступили против него, чтобы не дать ему собрать основные свои силы и разорить их земли. Именно поэтому сражение происходит «в земле половецкой», что и отмечается в «памятниках куликовского цикла».

По всей видимости, Мамай не ожидал столь оперативных действий русских войск и потому не успел собрать свои основные силы, рассредоточенные по обширным владениям той части Золотой Орды, которая находилась под его контролем²⁷. Поэтому ему и пришлось использовать всех, кто мог сражаться за него, т. е. многочисленных иностранных наемников, пребывавших в Причерноморье – северокавказские племена, буртасов, армян и даже генуэзцев²⁸. Поэтому сообщается и об участии в битве «царя Теляка», которого Мамай из-за неожиданности русского нападения не успел своевременно вывезти в безопасное место; версия гибели хана в битве также в полной мере соответствует предположению о неожиданном нападении русских войск. Объясняется и непонятная «нерешительность» войск Литвы и Рязанского княжества: даже если они и намеревались принять участие в битве, они просто не успели прибыть вовремя – несомненно, на это и рассчитывали московские воеводы, первыми совершая нападение на Мамаю.

Вполне объяснимым становится и поражение Мамаю: в его распоряжении были не его собственные дисциплинированные войска, а всего лишь разношерстное наемное воинство, которое он за недостатком

26 Источники сообщают, что Мамай перед битвой «собравъ всю землю (или силу – Р. П.) Половецкую и Татарскую» (Памятники, 1998, С. 9, 30), однако ни «половцев», ни «татар» в числе его воинов не называют.

27 Даже А. Н. Насонов, историк-русист, которого весьма трудно заподозрить в «монголофильстве», отмечает, что Мамай еще за 5 дней до Куликовской битвы ничего не знал о приближении русских войск (Насонов, 2002, С. 323).

28 Вряд ли эта генуэзская пехота представляла собой войска города Кафы, как полагают некоторые исследователи (см., напр.: Егоров, 1980, С. 212), скорее – «солдаты удачи», которые в поисках службы и добычи предлагали свои услуги властителям Причерноморья.

времени не успел упорядочить и объединить под единым командованием. И совершенно перестает быть загадкой появление у Мамаю свежего многочисленного войска после столь сокрушительного разгрома: просто, бежав с поля битвы, он получил, наконец, возможность, собрать собственные силы, а не иностранных наемников²⁹.

Повторимся еще раз: мы не собираемся переворачивать с ног наголову описываемые события и представлять Мамаю как жертву агрессии московского князя и его союзников. Речь идет лишь о том, в чьих руках была инициатива в битве на Куликовом поле, и нет никаких оснований сомневаться в том, что Дмитрий Донской нанес всего лишь превентивный удар, предупреждающий поход Мамаю на Русь. Вместе с тем, не следует рассматривать все русско-ордынские отношения 1360-1370-х гг. как «прелюдию Куликовской битвы»: описанные события позволяют утверждать, что Мамаю и враждовал с русскими князьями, и находился с ними в союзных отношениях – тогда и в той мере, в какой это диктовалось политическими условиями и государственными интересами. Точно так же поступали и сами русские князья, которые в сентябре 1380 г. увидели шанс покончить с властью Орды и поспешили им воспользоваться.

5. Гибель в Кафе. Обстоятельства гибели Мамаю по-разному излагаются в различных источниках, однако большинство исследователей и публицистов предпочитают версию русских летописцев, согласно которой темник после перехода его войск к хану Токтамышу бежал в Кафу, где был опознан местными генуэзцами и убит ими (Памятники, 1998, С. 41, 82, 187, 337, 366; Карамзин, 1993, С. 46-47; Соловьев, 1988, С. 279; Фахретдин, 1996, С. 104; Вернадский, 2000, С. 269; Гумилев, 1992, С. 427; Соколов, 1999). Безусловно, такой конец Мамаю был бы логическим завершением его союза с генуэзцами!

Однако в древнерусских источниках эта версия является не единственной. Так, в «Задонщине» (публицистическом сочинении, посвященном Куликовской битве, но, несмотря на это, широко используемом в качестве источника) сообщается, что кафинские генуэзцы отказали Мамаю в прибежище, сказав при этом: «Побежи ты, поганый Момай, от насъ по заденеш и нам от земли Руской» (Памятники, 1998, С. 104, 118, 131). Как ни странно, эта версия представляется более близкой к истине, чем убийство бекляри-бека в Кафе.

Итальянские торговцы на территории Золотой Орды нередко находились «между молотом и наковальной», мечась между группировками, борющимися за власть в Улусе Джучи. Поддержка «не той» стороны могла иметь весьма тяжелые последствия, особенно в смутные времена, о чем красноречиво свидетельствует судьба вышеупомянутого венецианского консула Якопо Корнаро. Естественно, в обстановке полной неопределенности генуэзцы не могли себе позволить ни дать прибежище Мамаю, боясь кары со стороны его победителя Токтамыша, ни умертвить его, потому что никто не знал, какую судьбу уготовил новый хан своему врагу. Многие из ордынских сановников и областных правителей, поддерживавших Мамаю в годы «Великой замятни», не подверглись преследованиям при Токтамыше и даже сохранили свои посты. Так что, у генуэзцев были все основания полагать, что даже Мамаю

29 Татарский автор нач. XX в. Р. Фахретдин подчеркивает, что Мамаю отправился против Токтамыша именно с «татарским» войском, что подтверждает нашу версию (Фахретдин, 1996, С. 103).

имел шансы снискать прощение и милость нового хана. Не лишено оснований и приведенное в «Задонщине» опасение кафинцев, как бы их покровительство Мамаю не навлекло на генуэзцев еще и гнева русских: на тот момент они также были победителями.

Скорее всего, Мамай после поражения от Токтамыша бежал в Крым и попытался заручиться покровительством генуэзцев, обладавших статусом неприкосновенности в качестве иностранных граждан. Вполне возможно, как мы уже предположили выше, он собирался связаться с верными ему эмирами и выдвинуть нового претендента на трон, чтобы противопоставить его Токтамышу. Однако кафинские «отцы города» вполне разумно отказали ему в прибежище, и он был вынужден отправиться в свою прежнюю ставку в Солхате, намереваясь, возможно двинуться оттуда дальше на запад своих владений, где у него было больше шансов организовать отпор новому хану.

Однако здесь его настигли и умертвили люди Токтамыша. Вот почему он и был похоронен именно в Старом Крыму. Следует отметить, что версию гибели Мамаю от рук сторонников Токтамыша содержат как русские летописные источники, так и восточные источники (см.: Памятники, 1998, С. 11; Утемиш-хаджи, 1992, С. 118), что, на наш взгляд, свидетельствует о ее достоверности.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно констатировать, что историографический образ Мамаю очень далек от Мамаю реального и конструировался в зависимости от позиции того или иного исследователя, который привлекал те источники, которые в большей степени подтверждали выбранную им позицию. Привлечение разноплановых источников, либо отражающих различные позиции авторов (нарративные источники разного происхождения), либо лишенных авторского субъективизма (актовый и нумизматический материал) позволяет по-новому взглянуть на личность знаменитого золотоордынского темника и оценить его роль в истории.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

Арсюхин Е. Ископаемая валюта. Мамай пошел на Русь по наводке итальянских банкиров // Российская газета. 25 апреля 2003. № 80 (3194). С. 31.

Баймухаметов С. Тайна Куликова поля. Против кого воевал Дмитрий Донской? // Новая газета. № 69. 19 сентября 2005.

Банзаров Д. Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов // Записки Санкт-Петербургского археологического научного общества. Т. II. СПб., 1850.

Бикинин И. Татары Мордовии // Татарская газета. №1-2. 10 февраля 2000.

Бикинин И. Татарская аристократия темниковского княжества и ее потомки // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». Вып. 4. Казань, 2004. С. 292-308.

Быков А., Кузьмина О. Митрополит Киприан. Портрет на фоне эпохи // 1 сентября. История. 2001. № 22-23.

Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60-70-е годы XIV века. Казань, 2008.

Вернадский Г. В. История России: Монголы и Русь. Тверь; М., 2000.

Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. Н. Новгород, 2002. С. 9-55.

Гончаров Е. Ю. Монетные дворы Улуса Джучидов // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков». Саратов 2001, Муром 2003. М., 2005. С. 97-102.

Гончаров Е. Ю. Очерк монетного дела в улусе Джучи на рубеже 770-х – 780-х гг. х. Нумизматический комментарий к книге И. М. Миргалеева «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК – Болгар 2005, V МНК – Волгоград 2006. М., 2008. С. 58-62.

Горский А. А. Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // Отечественная история. – 1998. - № 4. – С. 15-24.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

Греков И. Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980. С. 113-141.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.

Григорьев А. П. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII-XIV вв. // Востоковедение. Вып. 7. 1980. С. 155-180.

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. 1983. С. 9-54.

Григорьев А. П. Золотоордынский город Орда // Востоковедение. Вып. 16. 1990. С. 152-158.

Григорьев А. П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1994. Сер. 2. Вып. 2. С. 28-36.

Григорьев А. П. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 4 (№ 26). С. 22-29.

Григорьев А. П. «Му'изз ал-ансаб» о потомках Токтамыша // Востоковедение. Вып. 25. 2004. С. 100-123.

Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Джучиды. Золотая Орда // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. Кн. I: Русский взгляд. М., 1994. С. 100-148.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

Гумилев Л. Н. «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы...» // Гумилев Л. Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 247-323.

Гумилев Л. Н. Апокрифический диалог // Там же. М., 1994. С. 324-351.

Гумилев Л. Н. От Руси до России. М., 1995.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). М., 2000.

Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сборник статей. М., 1980. С. 174-213.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2004.

Ярлыки татарских ханов русским митрополитам: Краткое собрание / Ист.-прав. обзор, текстол. коммент. А. А. Зимина // Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 463-491.

Исхаков Д. Юго-восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XIV-XVII вв. // Электронная версия с сайта «Тюрко-татарский мир»: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/5>.

Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / Пер. со староузб., пред., коммент. и указ. А. Ахмедова. Ташкент, 2008.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. М., 1992.

- Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1984.
- Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
- Кожин В. Против кого боролся Дмитрий Донской? // Наука и религия. 2000. № 8.
- Костюков В. П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 169-207.
- Крамаровский М. Г. Погребение беклярибека Мамаю (?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1996. С. 38-41.
- Крамаровский М. Г. Где могила Мамаю? // Родина. 2005. № 9. С. 77-81.
- Кучкин В. А. Русские княжества перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980. С. 26-112.
- Кучкин В. А. Ханы Мамаевой орды // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996.
- Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер., введ., коммент., прим. Н. П. Шастиной. М. 1973.
- Макаров М. Заметки о землях рязанских // ЧОИДР. 1846. № 1. М., 1846. Отд. IV. С. 3-29.
- Марков А. К. Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань, 2008.
- Мизун Ю. В., Мизун Ю. Г. Ханы и князья. Золотая Орда и русские княжества. М., 2005.
- Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003.
- Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000.
- Му'изз ал-ансаб («Прославляющее генеалогии») / Пер. с перс., пред., прим. Ш. Х. Вохидова. Алматы, 2006.
- Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М., 1983.
- Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002.
- Орлов А. М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. Нижний Новгород, 2001. Электронная версия с сайта «Мишары Нижнего Поволжья: www.mishare.narod.ru.
- Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова, В. А. Кучкина. СПб., 1998.
- Пачкалов А. В. Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.; Н. Новгород, 2004. С. 158-171.
- Пачкалов А. В. Исан: новый эмитент в истории Золотой Орды? // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков». Саратов 2001, Муром 2003. М., 2005. С. 153-156.
- Петров А. Мамаево побоище // Родина. 2005. № 9. С. 67-73.
- Петров А. Туман над полем Куликовым // Вокруг света. 2006. № 9 (2792). Электронная версия с официального портала издания: http://www.vokrugsveta.ru/vs/column/?year=2006&column_id=12.
- Пономарев А. Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи. М., 2002.
- Почекаев Р. Ю. Образ Мамаю в русском летописании как средство делегитимизации власти ордынского хана // Герои и антигерои в исторической судьбе России: Материалы 35-й всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2004. С. 29-34.
- Почекаев Р. Ю. Русские земли в татарско-литовских отношениях и Москва (по данным ханских ярлыков конца XIV – начала XVI в.) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. I: Материалы международной научной конференции «Иван III и проблемы российской государственности: к 500-летию со дня смерти Ивана III (1505-2005). СПб., 2006. С. 213-229.
- Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый

Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000.

Рогожский летописец // Тверская летопись. Рязань, 2000. С. 24-147.

Рыкин П. О. Титям: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях // АБ-60. Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб., 2007. С. 475-492.

Савельев П. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джалаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Вып. II. СПб., 1858.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Северова М. Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н. э.) // Вторая Всероссийская нумизматическая конференция. 6-8 апреля 1994 г. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 98-100.

Серова Н. Мамай Ордынский и Папа Римский // Деловые люди. № 174. Сентябрь 2005. С. 92-97.

Сидоренко В. А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357-1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Симферополь, 2000. С. 267-288.

Скржинская Е. Ч. Венецианский посол в Золотой Орде: По надгробию Якопо Корнато, 1362 г. // Византийский временник. Т. 35. 1973. С. 103-118.

История Казахстана в арабских источниках. Т. I: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / Подгот. нов. изд., введ., доп. и коммент. Б. Е. Кумекова, А. К. Муминова. Алматы, 2005.

История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / Подг. нов. изд., введ., пер., коммент. М. Х. Абусейтовой, Ж. М. Тулибаевой. Алматы, 2006.

Соколов Б. Почему погиб Мамай? // 1 сентября. История. 1999. № 25.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Тт. 3-4. М., 1988.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Татищев В. Н. История российская в 5 частях // Электронное издание: Компакт-диск. М., 2003.

Тихомиров В. Сражение за налоги. Как «сепаратист» Донской помог хану Золотой Орды наказать «олигарха-беспредельщика» Мамай // Огонек. № 26. 27 июня – 03 июля 2005.

Ткаченко С. Старый Крым. Могила Мамай // Боспор. Крым. № 41. 11.10.2007; № 43. 25.10.2007; № 44. 01.11.2007. Электронная версия с официального сайта издания: <http://bospor.com.ua/articles/858.shtml>; <http://bospor.com.ua/articles/880.shtml> <http://bospor.com.ua/articles/893.shtml>.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов В. В. Предки «Мамай-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 319-352.

Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII – первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Алматы, 2003.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исслед. В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992.

Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды / Пер. с тат. С. Шамси. Казань, 1996.

Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960. С. 94-192.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб., 1832.

Хан Н. А. Ярлык в традиции политической культуры Восточной Европы в XIV веке // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 139-144.

Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса

- Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2001. С. 111-128.
- Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.
- Шабульдо Ф. Чи існував ярлик Мамай на українські землі? (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005. С. 100-122.
- Шенников А. А. Княжество потомков Мамай (к проблемам запустения Юго-Восточной Руси в XIV-XV вв.) // Депонировано в ИНИОН. 7380. Л., 1981. С. 20-22.
- Юдин В. П. О строительстве мавзолея Кыйата Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 83-86.
- Яковлева О. Полевой командир Мамай // Известия. 18 января 2002.
- Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. 1954. С. 424-457.
- Allsen, 1987 – Allsen Th. T. The princes of the Left Hand: an introduction to the history of the Ulus of Orda in the thirteenth and the early fourteenth centuries // Archivum Eurasiae medii aevi. T. V: 1985. Wiesbaden, 1987. P. 5-40.
- Desimoni, 1887 – Desimoni C. Trattato dei Genovesi col Chan dei Tartari nel 1380-1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano fondata da G.P.Vieusseux. 4-a ser. T. XX. Firenze, 1887. P. 161-165.

Мақала XIV ғасырдың екінші жартысындағы алтынордалық билеуші түмен басы Мамайдың жеке тұлғасы мен қызметіне арналған. Автор нарративтік көздерде сақталған мәліметтерге және тарих жазбаларында қалыптасқан пікірлерге талдау жасайды. Мамай туралы пікірлердің басым бөлігінің қасаң, қалыптасқан саяси жағдайларға байланысты жасалған деген қорытындыға келіп, автор олардың негізділігін және тарихи шындыққа қаншалықты жанасымды екендігін тексеруге қадам жасап, ол үшін тек жазба көздерді ғана емес, сондай – ақ дипломатика мен нумизматиканың мәліметтерін де пайдаланады.

Нәтижесінде Мамай заңды билікке қарсы тұрушы, католиктік Батыстың одақтасы және Орыстың бітіспес жауы емес, барлық күш – қуатымен Алтын Орданың бірлігі мен ұллылығын сақтап қалуға тырысқан аса көрнекті мемлекет қайраткері, білікті қолбасшы және дипломат болып шығады.

Author analyzed the information of narrative sources about Mamai, famous Golden Horde ruler of the second half of 14th century as well as opinions about him in the modern historiography. Coming to a conclusion that the most part of these opinions are stereotypes created in accordance with comparative political situation, author attempts to examine their validity and correspondence to historical reality. As a result, Mamai is presented not as rebel and usurper, ally of catholic West and enemy of Russia, but as outstanding statesman, effective politician and diplomat who did his best to save the unity and power of the Golden Horde.